

О.И. Быкова
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ
ЭТНОКОННОТАЦИИ

© 2001 г. О.И. Быкова

Воронежский государственный университет

Сущность коннотации как сложного, многогранного и многофункционального лингво-психологического феномена, которому принадлежит в определенной степени решающая роль в процессе межличностной коммуникации, т.к. она в состоянии управлять коммуникацией, нарушать ее или способствовать ей, до сих пор остается во многих отношениях открытым вопросом современной лингвистики. При наличии возникших разногласий и существующих трудностей определения лингвистического статуса, характера отношения коннотации к семантической структуре слова или фразеологизма, емкости понятия “коннотация” и ограниченных возможностях объективного описания и экспликации только лингвистическими способами продолжают поиски критериев для уточнения этого термина. Эти поиски можно определить следующими направлениями: 1) онтология коннотаций, 2) методологический подход при определении компонентов ее содержательной структуры, 3) типология коннотаций, 4) креативность и динамизм коннотаций в диахронии и синхронии как свидетельство открытости семантической структуры лексических единиц.

Большинство из существующих определений коннотации или ее отдельных типов указывают на такие сущностные признаки, как: а) дополнительность к денотативному аспекту значения; вторичность по отношению к денотации; в) интерпретативный характер, интерпретация денотативного или квазиденотативного (образно мотивированного) аспектов значения в категориях культуры; г) гетерогенность и гетерофункциональность составляющих ее компонентов при выражении оценочности, эмоциональности, экс-

прессивности; д) имплицитность как способ выражения; е) стратификационная не локализованность (наличие коннотативной потенции языковых единиц; ж) дискурсивный характер коммуникативной значимости; з) вариативность под влиянием социокультурных факторов на сам язык и его использование; и) динамизм, обусловленный изменениями внутри лингвокультурной общности или условиями конкретной коммуникативной ситуации.

Относительно онтологии коннотации уже намечались пути решения проблемы, определена знаковая природа коннотации: билатеральность языкового знака (обозначаемое и обозначающее по Ф. Соссюру), его полифункциональность, обратимость планов содержания и выражения, а также интерпретативный характер содержания знака являются основными факторами порождения коннотаций.

Семиотическая точка зрения на исследование взаимодействия языка и культуры в процессе коммуникации, осуществляемой на базе употребления знаковых кодов, имеющих конвенциональную и культурно обусловленную природу может быть признана исходным постулатом исследования компонентов культуры в коннотации. Существенным моментом семиотики как науки о культуре в целом является отрицание статичности (монументальности) кодифицированного значения языкового знака: “<...> сигнификаты следует рассматривать не как безвременные и теоретически фиксированные конструкты, а как исторически обусловленные и тем самым изменяющиеся представления” (перевод мой – О.Б.) [32, 195]. В этой связи Ассман отмечает двуликость культуры: каждая культура может выступать как: 1) нечто застывшее (Monument), если знак культу-

ры соотнесен только с адресатом и должен быть сохранен в памяти поколений; 2) изменяющееся, связанное с повседневным бытовым общением членов культурного сообщества (*Lebenswelt*) [31, 11]. Это позволяет предположить, что в особых актах семиозиса формируется различное измерение знака. Человек по-разному интерпретирует мир и себя в этом мире.

Исследования познавательной деятельности говорящего субъекта в процессе образования культурноносных смыслов объединяет в рамках интерпретирующего подхода целый ряд смежных наук (этнолингвистику, психоллингвистику, этнопсихоллингвистику, когнитивную лингвистику и лингвокультурологию). Этнометодологическая установка исследования речевой деятельности в этих науках опирается на ключевое определение языка как выражения этнической и социальной определенности говорящего на нем народа, его истории и культуры, что находит отражение в сложной системе концептов данного языка, образующих его **семантическое пространство**. “Семантическое пространство разных языков может существенно отличаться друг от друга и по составу концептов, и по принципам их структурной организации” [20, 65].

Объем значимой информации в межперсональной коммуникации больше, чем ее словесное выражение, поскольку в ней присутствует неявное, фоновое знание. Скрытые смыслы и значения, подразумеваемые участниками общения, требуют специального истолкования, интерпретации. “Процедура интерпретации рассматривается как базовая в этно-методологии, где осуществляется выявление и истолкование скрытых, неосознанных, нерелевантных механизмов коммуникации как процесса обмена значениями повседневной речи” [18, 263]. Специфика взаимодействия человека с окружающим миром, отображения реальности и закрепление в языке разностороннего (не только) речевого опыта индивида плодотворно исследуется психоллингвистикой при изучении универсального психического механизма производства и восприятия речи [25, 28]. На современном этапе развития психолин-

гвистика, рассматривающая язык как лишь “одну из сторон психики субъекта, пытается преодолеть типичное для лингвистики надделение языка статусом “самодовлеющей сущности” [11, 94]. Очень конструктивным является выделение следующих особенностей психического отражения: а) активность субъекта и постоянная взаимосвязь внутреннего и внешнего, субъективного и объективного, индивидуального и социального; б) процессуальность, динамичность, непрерывность; в) онтологическая взаимосвязь между мышлением, речью и памятью; г) многомерность и многоуровневость; трансформация, дифференциация и интеграция, переход друг в друга разных форм и уровней сенсорно-перцептивных процессов, представлений, речемыслительных процессов, понятийного мышления, интеллекта; д) непрерывность осознанного и неосознанного, реальность существования бессознательного, как и осознаваемого; е) отсутствие однозначного соответствия между осознанным вербализованным и неосознанным невербализованным; ж) изначальная предметность и пристрастность переживаний индивидом, непосредственной данности содержания знания “при постоянном взаимодействии перцептивных, когнитивных и аффективных (эмоционально-оценочных) процессов и их продуктов и динамики актуально значимого и потенциально значимого” [11, 94-95].

В рамках новой “стыковой” (креализованной) дисциплины, этнопсихоллингвистики исследуются формы функционирования психического механизма рождения и восприятия речи и их реализация в национальном языке и культуре. В десяти постулатах о цели и методах психоллингвистики и культурологии в работе “Этническая конфликтология” Ю.А. Сорокин указывает на двойную эвристическую силу исследований этнопсихоллингвистики: “Они дают возможность судить о составляющих этнических” “картин мира” и выявлять в них элементы универсальные и локальные и, кроме того позволяют накапливать материал для пересмотра существующих моделей порождения речи” [24, 4]. Основной целью этнопсихоллингвистики является

изучение вербальных и невербальных словарей и грамматик этнического поведения и контрастное сопоставление “текстов” этноса (лингвокультурных сценариев и матриц). В данном Ю.А. Сорокиным определении свойств этноса в отличие от существующих [30, 122; 5, 26; 8, 95; 9, 26, 76] особо подчеркивается существование этноса как лингвокультурной единичности / лингвокультурной общности “в виде процессов трансляции и мены семиотическими продуктами, имеющими соответствующую ценность и являющимися формой и способом опредмечивания его менталитета” [24, 8-9]. Уникальность и целостность этноса сохраняется, по его мнению, за счет гомогенности, стабильности и телеологичности (целенаправленности) циркулирующих в этносе культурем/менталем.

Для перспективы исследования проблемы коннотативности в языке и этноконнотации в частности, на наш взгляд, важно предположение о возможности фиксации и описания с большей или меньшей степенью полноты и эксплицитности коннотативно – аксиологической и смысловой “непрозрачности” фрагментов изоглоссы как некоторого локуса, характеризующегося специфическим языковым (речевым) состоянием идиокультуры, рефлексивной в этническом идио- и изосознании [24, 15-16]. С точки зрения национальной специфики коммуникативного (в первую очередь) речевого поведения языковой личности как носителя национального языкового сознания можно подходить к культуре как системе сознания, связанной с определенной этнической системой. Этноязыковое кодирование культурно-исторического опыта в значении языкового знака – “процесс более глубокий, осуществляемый на уровне когнитивных процессов, затрагивающих фундаментальные основы познания” [1, 82].

То, что когнитивная лингвистика считает возможным рассмотреть на единой концептуальной базе как собственно языковых, так и внеязыковых знаний (об окружающей действительности, адресате, коммуникативной ситуации, стратегиях участников коммуникации) открывает перспективу исследования языкового ста-

туса многомерного феномена “этноконнотация”. Языковая картина мира представляет собой ту часть концептуального мира человека, которая находит языковое преломление в различных способах вербализации концептов. Знание мира и знание языка, хотя и являются тесно взаимодействующими звеньями единой концептуальной системы, все же разные ее части [17, 91]. Идея несовпадения концептуальной и языковой картины мира, графически изображенная Е.С. Кубряковой в виде несовпадающих кругов, позволяет: 1) представить подчиненность языковой модели мира концептуальной; 2) выделить внутри концептуальной картины мира (КМ) две разные зоны языкового воздействия (ЯКМ₁) и (ЯКМ₂), различающиеся способами проявления влияния языка через различную вербализацию концептов (через любые вербальные описания в ЯКМ₁ и опосредованные свойствами поведения и функционирования знаков в ЯКМ₂) и 3) предположить наличие третьей высвобожденной от языкового влияния зоны. В этой зоне концепты мыслятся в каком-то невербальном субстрате (образов, схем, стереотипов, представлений и т.д.) [16, 145-146]. Мы можем предположить, что именно в этой зоне, лежащей на стыке зон ЯКМ и КМ в языковом сознании говорящих формируются этноконнотации как ментальные сущности особого порядка, а маркированные этноконнотацией единицы лексикона являются базовыми элементами речевой деятельности лингво-культурной общности с особой формой репрезентации знаний и представлений.

В национально-детерминированном и национально-маркированном когнитивном пространстве кодирование и хранение информации осуществляется двумя типами когнитивных структур: феноменологическими и лингвистическими. Первые “формируют совокупность знаний и представлений о феноменах экстралингвистической и собственно лингвистической природы, т.е. об исторических событиях, реальных личностях, законах природы, произведениях искусства, в том числе и литературных и т.д.” [15, 48]. Вторые – лежат в основе языковой и речевой компе-

тенции, с их помощью происходит вербализация концептов. Хотя когнитивные структуры предстают исследователю в опосредованном виде, тем не менее представляется возможным рассматривать их проявления в коммуникации. Как разновидность интерпретирующего подхода когнитивная лингвистика изучает, каким образом социокультурный опыт человека представлен в знаниях и в языке, исходя из того, что именно когниция “организует в человеке смыслообразование и использование значений в рамках культуры, - делая значение общим достоянием людей, принадлежащих к этой культуре” [10, 25]. Когнитивно-дискурсивный подход к исследованию категорий языка все больше приобретает интердисциплинарное концептуально-культурологическое направление на единой методологической платформе. Предпосылкой тому может быть принимаемое многими учеными широкое понимание культуры как системы опосредованных человеческим сознанием “овеществленных” и означенных интра- и интерличностных отношений, обладающих смыслом и ценностью (Г. Риккерт, В. Виндельбанд, Э. Бенвенист, Ю.М. Лотман, А.А. Брудный, Д.Б. Гудков) и как “совокупность концептов и отношений между ними, выражающихся в различных “рядах” (прежде всего “эволюционно-семиотических рядах”, а также в “парадигмах”, “стилях”, “изоглоссах”, “рангах”, “константах” и т.д.)” [22, 38]. Культура выступает всегда в конкретных этнических формах. Язык, являясь формой выражения национально-специфических компонентов культуры, выполняет этнодифференцирующую и этноинтегрирующую функции [2, 75]. По образному выражению В. Гумбольдта “каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он вступает в круг другого языка” [7, 80]. В то же время язык является не только средством получения большей части сведений о культуре и познавательных процессах, но и основным фактором, характеризующим мыслительные процессы. Сказать, “что язык определяет способ восприятия и мышления – это

значит принять следствие за причину” [14, 54]. Поэтому новая интегральная наука будущего должна фокусировать вклад всех наук, центральной триадой которых является “язык – национальная личность – культура”. Подобное направление исследований складывается в лингвокультурологии [26; 27; 12; 19; 6; 21 и др.], основной целью которой является исследование культурной семантики языковых знаков, предполагающее в качестве одной из главных задач изучение когнитивно-языковых механизмов осуществления носителями языка “референции языковых знаков к концептам культуры (осознанной или протекающей на уровне бессознательного) <...>” [27, 15]. Лингвокультурология нацелена на интегративное описание синхронно взаимодействующих корреспондентий языка и культуры. В поисках методики исследования и разработки понятийного аппарата она опирается на целый комплекс лингвистических, психолингвистических и культурологических традиций. По сути лингвокультурология является продолжением этнолингвистики в том широком понимании, которое Н.И. Толстой, говоря о втором рождении этнолингвистики вложил в свое определение этнолингвистики как комплексной пограничной науки, опирающейся во многом на этнографию, фольклористику, культурологию и пользующейся комплексными методами [28, 39-40]. Против сужения этнолингвистики до “этнокультурной” лексики и фразеологии высказывается в своей фундаментальной работе “Основы этнолингвистики” М.М. Копыленко, определяя предмет этнолингвистики как “этнос в зеркале языка”, включающий все то, “в чем находит отражение идиоэтничность, в том числе... народный менталитет” [13, 19]. Большой вклад отечественных исследователей (Ф.И. Буслаев, А.Н. Афанасьев, А.А. Потебня, Н.И. Толстой, С.М. Толстая, В.В. Иванов, В.Н. Топоров) способствовал определению задач, границ материала и предмета исследования этнолингвистики. Этнографическая семантика, этносемантика (культурная семантика), возникающая в зарубежной этнографии в недрах культурно-антропологического направления

(Ф. Боас, У. Уорф, Э. Сепир, Х. Хойер): 1) ставила акцент на когнитивные аспекты культуры, как на определенную сумму знаний; 2) переносила лингвистические принципы на область культуры. На современном этапе развития лингвокультурологии при изучении взаимосвязи и взаимодействия языка и культуры как комплексной проблемы разрабатываются новые единицы описания. Так, В.В. Воробьев предложил термин “лингвокультурема”. Эта единица в отличие от слова и лексико-семантического варианта, включает в себя сегменты не только языкового значения, но и внеязыкового культурного смысла знака. “Лингвокультурема как комплексная межуровневая единица, представляет собой диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического (понятийного) или предметного содержания” [6, 44-45]. Целостность самого анализа заключается, по мнению автора, в том, что лингвистический анализ лингвокультуремы должен неизбежно дополняться когнитивным, при этом лингвокультуреме можно рассматривать как особый микрофрейм-блок знаний о культуре. Конструктивность такого подхода в том, что: если слово соотносится с реалемой как референтом, то лингвокультурема отражает специфику типов реалий внутри класса предметов, соотнесенных со знаком. При разработке методики интегративного анализа языка в культуре термин “культурема” в трактовке немецкой ученой Э. Оксаар понимается шире: как способ отражения культурно-специфических образцов мышления (Denkmuster) и образцов поведения (Verhaltensmuster). В предложенной ею модели культуремы реализация культурем как абстрактных единиц более высокого уровня осуществляется с помощью “бихевиорем” (невербальных: мимика, жестика, телодвижения; экстравербальных: время, место, проксемика; вербальных: слова и паралингвистических средств). Отвлекаясь от неоднозначного толкования понятия “бихевиорема”, можно сказать, что данная модель позволяет учитывать неоднородность и динамику составляющих речевое поведение коммуникантов и релевантность при исследовании межкультурной комму-

никации, хотя блок экстралингвистической информации в этой модели остается, на наш взгляд, расплывчатым и оторванным от реалий культурного пространства. Если учесть, что механизмы интеграции знаний в речевой деятельности возникают на разных этапах формирования культуросоносных смыслов знаков языка, то следует принимать во внимание специфику всех блоков знаний, принимающих участие в смыслообразовании: лингвистического, энциклопедического и интеракционного.

Необходимость исследования коннотативной семантики в русле культурной семантики диктуется потребностью определения содержания и особенностей структурирования семантического пространства разных языков, их варьирования, разнообразия, их национальной специфики [20, 66], а также выяснения “коннотативного репертуара” той или иной лингвокультурной общности в реальных условиях общения [23]. Коннотативная семантика нацелена на целостное описание “надстраивающихся” над лексической семантикой или даже “пронизывающих” ее символических, культурных, энциклопедических и прагматических созначений единиц языка во вторичной номинации. Мы солидарны с мнением Н.И. Толстого о том, что граница между лексическими (лингвистическими) и экстралингвистическими (культурными) коннотациями “не может считаться строго установленной раз и навсегда, да и не является строгой по своей природе. Для каких-то экстралингвистических коннотаций пока еще просто не обнаружены языковые подтверждения, а какие-то из них являются лишь потенциальными языковыми коннотациями и в будущем смогут приобрести статус языковых, когда экстралингвистический сопутствующий признак станет основой для языковой номинации или семантической деривации” [28, 290].

Признавая преэминентность этнокультуры, культуры национальной и общечеловеческой, мы считаем, что специфика репрезентации именно “этноментального мира человека” [29, 3] в онтогенезе определяет содержание языковых сущностей. Это определило выбор даль-

нейшего исследования понятия “этноконнотация”, отражающего взаимобратную связь культуры-языка-личности. Опираясь на предположения Е.С. Кубряковой о специфических особенностях внутреннего (языкового) лексикона человека, мы считаем, что этноконнотация является особой формой презентации гетерогенности и гетерохронности единиц лексикона “как системы многомерной, разностлойной и весьма сложно организованной сплетением вербальных сетей по самым разным параметрам и векторам” [17, 99].

Каждая этноконнотированная единица лексикона может отличаться по форме (способу вербализации концепта культуры: слово, словосочетание, высказывание), по содержанию (отнесенности к определенному концепту), структуре этноконнотатов, определяющих функциональную доминанту лексической единицы в дискурсе бытовой или художественной коммуникации [4]. Этноконнотаты (ЭК) как единицы историко-культурного плана содержания лексических единиц, обозначающие уникальные денотаты и вызывающие в сознании говорящего отнесенность языковой единицы к определенному культурному пространству, отражают диахроническую, диатопическую, диастратическую и диамедальную вариативность единиц конкретного национального языка. В коннотативной модели языкового знака, которая представляет гетерогенно структурированную систему коннотатов, этноконнотация занимает особое место, т.к. она находится как бы в точке пересечения актуализируемых в языковом сознании коммуниканта знаний языкового, энциклопедического и интеракционного характера и требует интегративного лингвокультурологического подхода к исследованию [3, 31].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко Н.Ф. Этноязыковое кодирование смысла и культура // Филология и культура: Материалы III-й международной конференции. 16-18 мая 2001 г./ Отв. ред. Н.Н. Болдырев: В 3-х ч. - Ч. 2. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2001 – С. 82-84.
2. Антипов Г.А., Донских О.Н., Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Текст как явление культуры. – Новосибирск, 1989. – 197 с.
3. Быкова О.И. Этноконнотация в парадигме когнитивной лингвистики // Когнитивная лингвистика. Современное состояние и перспективы развития. Ч. 1. Материалы Первой международной школы-семинара по когнитивной лингвистике 26-30 мая, 1998 г / Отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 1998. – С. 30-31.
4. Vykova O. Textsortenspezifische Relevanz der Ethnoknotation // Sprachgeschichte als Textsortengeschichte Festschrift zum 65. Geburtstag von Gotthard Lerchner. Herausgegeben von I. Barz, U. Fix, M. Schröder und G. Schuppener. – Frankfurt a. M, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien, Peter Lang Verlag, 2000. – S. 169-181.
5. Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. – М., 1981. – 390 с.
6. Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы). – М.: Изд-во РУДН, 1997. – 331 с.
7. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества. – М., 1956.
8. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. – 526 с.
9. Гумилев Л.Н. Из истории Евразии. – М.: Искусство, 1993. – 79 с.
10. Демьяненко В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // ВЯ. – 1994. - № 4. – С.17-33.
11. Залевская А.А. Основные направления психолингвистических исследований в Тверском университете // Язык, культура и социум в гуманитарной парадигме: Сб. научн. тр. / Отв. ред. проф. А.А. Романов. – Москва-Тверь: ИЯ РАН Твер. гос. ун-т, 1999. – С. 92-97.
12. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград-Архангельск: Перемена, 1996. – С. 3-16
13. Копыленко М.М. Основы этнолингвистики. – Алматы: Евразия, 1995. – 178 с.

14. Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление. Психологический очерк. Перевод с англ. канд. психол. наук П. Тульвисте, под ред. А.Р. Лурия. – М.: Прогресс, 1977. – 261 с.
15. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). – М.: Диалог-МГУ, 1998. – 352 с.
16. Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М., 1988.
17. Кубрякова Е.С., Шахнарович А.М., Сахарный Л.В. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. – Ч. 39. – М.: Наука, 1991. – 240 с.
18. Культурология XX век. Энциклопедия в 2-х томах / Гл. ред. С.Я. Левит. – СПб.: Университетская книга, 1998. – Т. 1. – 447 с.
19. Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию. М.: Наследие, 1997. – 208 с.
20. Попова З.Д. Семантическое пространство языка как категория когнитивной лингвистики // Вестник ВГУ. Серия 1, Гуманитарные науки. – 1996. - № 2. – С. 64-70.
21. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Academia, 2000. – 128 с.
22. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа “Языки русской культуры”, 1997. – 824 с.
23. Сорокин Ю.А. Вербальное и невербальное поведение с этнопсихологической точки зрения // Языки и культура. – М., 1987. – С. 84-110.
24. Сорокин Ю.А. Этническая конфликтология (Теоретические и экспериментальные фрагменты). – Самара: Русский лицей, 1994. – 94 с.
25. Тарасов Е.Ф. Язык и культура: Методологические проблемы // Язык и культура: Сборник обзоров. – М., 1987. – С. 27-36.
26. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантические, прагматические и лингвокультурологические аспекты. – М.: Школа “Языки русской культуры”, 1996. – 288 с.
27. Телия В.Н. Основные постулаты лингвокультурологии // Филология и культура: Материалы II-й международной конференции. 12-14 мая 1999 г. / Отв. ред. Н.Н. Болдырев. В 3 ч. Ч. III. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 1999. – С. 14-15.
28. Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. Изд. 2-е, испр. – М.: Индрик, 1995. – 512 с.
29. Фесенко Т.А. Этноментальный мир человека: Опыт концептуального моделирования. – Автореф. ... докт. филол. наук. – М., 1999. – 52 с.
30. Широкогоров С.М. Этнос: Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений // Изв. восточного ф-та Дальневосточного ун-та. – Шанхай. – 1923. XVIII. – Т. 1.
31. Assmann A. Kultur als Lebenswelt und Monument. Aleida Assmann, Dieter Harth (Hg), Frankfurt a. M, 1991. – 198 S.
32. Posner R. Mitteilung an die ferne Zukunft // Zeitschrift für Semiotik. 6, 1984. – S. 195-228.